

КРУГЛЫЙ СТОЛ РЕДАКЦИИ

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ ЖУРНАЛА "ЭКОЛОГИЯ И РЫНОК"

Намереваясь подготовить очередной "экологический" выпуск журнала, редакция подготовила вопросы для заочного Круглого стола по проблеме "Экология и рынок" и обратилась с этими вопросами к ряду специалистов, представляющих различные точки зрения.

Среди принявших участие в обсуждении как хорошо известные читателям авторы нашего журнала, так и дебютанты: д.э.н., профессор А.А. Арбатов — зам. председателя КЕПС Российской АН; д.э.н., профессор О.Ф. Балацкий — зав. кафедрой Сумского физико-технологического института, к.э.н. П.В. Тархов — зав. лабораторией Сумского физико-технологического института; Ю.Ю. Гаврилова — аспирантка МГУ; д.э.н. А.А. Гусев — зав. лабораторией Института проблем рынка; д.хим.н., профессор С.Г. Кара-Мурза — главный научный сотрудник Аналитического центра по проблемам социально-экономического и научно-технического развития Российской АН; д.э.н., профессор Л.Г. Мельник — преподаватель Сумского физико-технологического института; Г.М. Минаков — научный сотрудник Института народного хозяйства (Ростов-на-Дону); д.э.н. Р.А. Новиков — ведущий научный сотрудник ИМЭМО; к.э.н. В.И. Соколов — старший научный сотрудник ИСКАН.

Мы специально ограничились относительно небольшим числом участников, чтобы подробнее осветить их полемику, которая получилась довольно острой. Авторы обзора оставили за собой право компоновки ответов и их комментирования. Поэтому у некоторых приславших ответы может появиться желание высказаться дополнительно. Что же, милости просим.

Большинство участников Круглого стола с теми или иными оговорками выразили приверженность экономическим методам управления природопользования. Полемизируют с ними Р.А. Новиков и С.Г. Кара-Мурза.

Ниже приводятся вопросы и краткий обзор ответов на них.

1. Каким должно быть, с Вашей точки зрения, содержание концепции экологически устойчивого развития народного хозяйства (основные характеристики такого развития, подходы к формированию его концепции)?

Ключевые моменты концепции устойчивого развития сформулировал А.А. Арбатов. Главный из них — переход к тем объемам и пропорциям производства, которые не ухудшали бы экологическую ситуацию. Для этого требуется значительно сократить объем промышленной деятельности, поскольку промышленность является основным потребителем таких важных природных ресурсов, как энергетические, минеральные и одновременно — загрязнителем воздушного и водного бассейнов.

Г.М. Минаков указал, что в данном случае необходимо знать предельно допустимые уровни нагрузки. Эту же точку зрения высказал и Л.Г. Мельник. Непревышение экологических порогов должно стать одним из важнейших принципов экологически устойчивого развития.

Целесообразность многих видов промышленного производства, с позиции конечного потребления, продолжал А.А. Арбатов, весьма сомнительна. Гипертрофированное развитие базовых отраслей, прежде всего в интересах военно-промышленного комплекса, создало уродливый воспроизводственный цикл, работающий сам на себя. Централизованное распределение продукции без ответственности и заинтересованности производи-

теля привело к большому объему выпуска ненужной продукции. Ликвидация такого несоответствия реальным интересам общества вызовет не только сокращение производства, но лавинообразное уменьшение потребностей в природных ресурсах. Это позволит приостановить или прекратить деятельность экологически неблагоприятных предприятий в сфере природопользования, реконструировать, перепрофилировать или закрыть промышленные предприятия в других отраслях. С этим нельзя не согласиться. Основная причина экологических проблем, характерных для нашей страны, — чудовищная нагрузка на окружающую среду устаревшей воспроизводственной структуры. Ее оздоровление — ключ к решению многих экологических проблем.

Одновременно с этими преобразованиями, по мнению А.А. Арбатова, следует ввести чрезвычайные меры в районах экологического бедствия. Средства на их реализацию, помимо выделенных, можно изыскать в результате как сокращения промышленной деятельности, так и прекращения дотаций сельскохозяйственному производству, если перевести его на полную самоокупаемость, возвратное и банковское кредитование.

Следующим этапом перехода к экологически устойчивому развитию должно стать восстановление природной среды, начиная с наиболее сильно пострадавших территорий. Экономическим стимулом здесь должно стать установление дифференцированных налоговых платежей и льгот в зависимости от природоохранной активности предприятий.

В долгосрочном плане надо думать о пересмотре философской концепции развития. Сейчас она имеет явно выраженный технократический характер. Необходим переход к научно-гуманистическому типу прогресса. В ресурсном основании экономики должно произойти смещение центра тяжести с природных и сырьевых ресурсов к интеллектуальным, к продуктам интеллектуальной деятельности. В конце концов, наукоемкие технологии позволяют сберечь естественное сырье. Если рассматривать будущее воспроизводственной структуры, то уже сейчас в развитых странах можно наблюдать процесс формирования экологического сектора как новой сферы деятельности. В структуре ВВП, по всей видимости, он будет вытеснять военно-промышленный комплекс.

Л.Г. Мельник сформулировал принцип "экологической республики". Он призван совместить два, казалось бы несовместимых процесса: с одной стороны, жесткий контроль за соблюдением экологических ограничений, с другой, свободу развития. Только тогда, когда люди поймут необходимость для них соблюдать эти правила, они не будут расцениваться ими как посягательства на свободу. Л.Г. Мельник высказал некоторые соображения по реализации этого принципа: предложил вариант "экологизации управления".

Явно не удовлетворен формулировкой вопроса Р.А. Новиков. По его мнению, термины "устойчивое развитие" и "экологическая безопасность" относятся к числу очень модных. Однако их конкретное содержание не определено, а потому исключается предметный научный разговор.

С.Г. Кара-Мурза подчеркнул, что концепция устойчивого развития должна быть системной и хотя бы в концепции следовало попытаться лечить застарелую болезнь — отсутствие интеллектуальной совести. Сейчас эта болезнь, по его мнению, приобрела характер эпидемии. Один и тот же автор в одной и той же статье ухитряется выдвигать абсолютно несовместимые требования, исходя из утилитарного или конъюнктурного политического интереса.

2. Ваше мнение об экологической безопасности как общественном благе, его месте в системе общественного воспроизводства, о соотношении централизации и децентрализации в управлении экологической безопасностью.

Критерии и тем более ограничения, с которыми соотносится общественное производство, не говоря уже о критерии оценки общественного блага, определяются, как считает С.Г. Кара-Мурза, конкретными социо-культурными условиями. В период ломки культурных основ, подобной сегодняшней, вопрос почти теряет смысл, поскольку пафос его относится к "административной" сфере. Сейчас можно говорить о динамике изменения шкалы ценностей у разных социальных субъектов (а мы ее не знаем) и о предложении альтернативных систем ценностей для консолидации людей.

Тем не менее это не повод, чтобы вообще не ставить задачу выявления значимости

экологической безопасности. Г.М. Минаков оценил ее как основу существования общества, а О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов — как выражение естественного стремления человека к гармонии со средой, к комфорту.

Необходимость централизации в управлении экологической безопасностью объясняется глобальными масштабами воздействия, трудностями решения теоретических и экспериментальных вопросов на местном уровне. Определенная децентрализация нужна для учета конкретных особенностей экологических нарушений.

3. Надо ли и, если да, то как измерять экологическую безопасность при обосновании хозяйственных решений?

По сути этот вопрос обусловлен ответом на предыдущий.

О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов несколько не сомневаются в том, что ответ должен быть положительным. Все экономические (и политические) решения следует корректировать с точки зрения экологической гармонии. Отсюда важность измерения экологической безопасности при обосновании хозяйственных решений, т.е. определения степени риска необратимых экологических последствий, характера и допустимости изменений в окружающей среде и в природе человека. Собственно говоря, они выразили общее мнение участников Круглого стола, ответивших на этот вопрос.

Ю.Ю. Гаврилова уточнила технические детали оценки экологического риска, настаивая на вероятностном способе измерения, рассмотрения вариантов экономического решения. Каждому такому варианту будет соответствовать спектр функций экологического риска в зависимости от масштаба инвестиций и их распределения, и главная проблема заключается в сравнении этих функций в целях поиска оптимального соотношения экономической выгоды и экологического риска. Важное добавление внес С.Г. Кара-Мурза. Отметив сложность измерения (нет теоретических основ), он сказал, что измерять, безусловно, надо; оценка экологической безопасности не должна быть сугубо научной. В эту категорию входят явления, не подвластные науке (т.е. включающие в себя моральные ценности). Надо привлекать гуманитарную интеллигенцию и само население, запрещая экспертам-ученым разговаривать с последним надменно и, таким образом, искусственно создавать противостояние.

4. Какими должны быть формы собственности на природные ресурсы?

Г.М. Минаков считает, что природные ресурсы не могут быть объектом собственности, так как не созданы трудом человека, а должны находиться только в пользовании всего общества.

О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов убеждены, что возможны разнообразные формы собственности в зависимости от степени влияния изменения этого ресурса на общество: общемировое, национальное (государственное), местное. Этой же точки зрения придерживаются Ю.Ю. Гаврилова, Р.А. Новиков и др.

Доминирующую позицию выразил А.А. Арбатов. Природные ресурсы, особенно государственного значения, должны быть общенациональным достоянием, но могут передаваться за деньги или бесплатно тем лицам и организациям, для которых отдельные виды ресурсов являются предметами труда. Это в первую очередь относится к земле, полезным ископаемым и лесу. Предприятия, эксплуатирующие месторождения, могли бы получить или купить право собственности только на ограниченную территорию, где имеется месторождение, а лица или коллективы, обрабатывающие землю, — через организации, уполномоченные распоряжаться государственной собственностью. В случае многоцелевого использования земельного участка пользователям следует заключать специальные соглашения между собой и с государственными органами.

Природные ресурсы, имеющие сугубо локальное значение, можно отнести к собственности той административно-территориальной единицы, где они находятся. Здесь мнения разошлись.

Ю.Ю. Гаврилова убеждена, что на современном этапе в нашей стране должна доминировать государственная собственность на природные ресурсы. В дальнейшем постепенно расширятся права частной собственности в экологической сфере.

Оригинальная позиция у С.Г. Кара-Мурзы. Основной критерий определения отношений собственности он сформулировал так: они должны быть такими, какими их при-

емлет психология этноса, живущего в единстве с данным ландшафтом. Пока же "внеэтническая" администрация и обслуживающая ее интеллигенция действуют обманом или силой, а это антиэкологично по своей философской сущности. Возражая ему, А.А. Арбатов подчеркнул, что довольно распространенный подход, согласно которому природные ресурсы — собственность населения того региона, где эти ресурсы локализованы, вряд ли целесообразен в рамках единого государства. Во-первых, в наличии ресурсов на той или иной территории нет никакой заслуги местного населения, а следовательно, и прав на особые выгоды. Другое дело, что весь ущерб от эксплуатации ресурсов населению необходимо возмещать, и оно должно получать блага от них наравне со всем обществом. Во-вторых, при таком подходе затрудняется оптимальное использование разных по качеству ресурсов, что ведет к экономическим потерям всего общества в случае освоения ресурсов за счет местного бюджета, а значит, и населения того или иного региона.

В.И. Соколов, поддерживая позицию А.А. Арбатова, обратился к опыту США. В собственности американских штатов, имеющих, как известно, значительную юридическую и политическую автономию, находится всего лишь 6% земельного фонда страны, а федеральное правительство — крупнейший земельный собственник — владеет третью всей территории США и прилегающих акваторий (за исключением прибрежной трехмильной зоны, находящейся под юрисдикцией штатов). Федеральное правительство обладает 80% запасов нефти и газа, 50% — угля, 80% — нефтеносных сланцев и т.д., не говоря уже о лесных, водных и других возобновляемых ресурсах, управление которыми в большой степени осуществляется из центра.

Страдают ли от этого штаты? Если да, то уже не экономически. Ведь 37%, а порой и 50% доходов, скажем, от аренды месторождений полезных ископаемых, федеральное правительство предоставляет штатам на развитие инфраструктуры, финансирование социальных программ и т.д. Да и из оставшейся суммы доходов от аренды лишь 10% идет в федеральную казну, остальное — в специальный фонд, используемый на природовосстановительные цели.

Что это дает федеральному правительству? Доход, особенно значительный при сдаче в аренду участков континентального шельфа; маневренность в обеспечении экономики минеральным и другим сырьем, когда речь идет о стратегических ресурсах; возможность воздействовать на природоэксплуатирующие отрасли путем строгой регламентации условий освоения ресурсов на федеральных землях (например, в тех же антимонопольных целях).

Итак, вслед за А.А. Арбатовым и В.И. Соколовым перенесем анализ в плоскость властно-хозяйственных отношений. Важное добавление сделал Р.А. Новиков. Если государство — собственник какой-то части природного потенциала, то его роль в отношении естественных ресурсов должна измениться. Главное — не допустить, чтобы государство выступало как собственник и пользователь одновременно. Из прошлого, особенно тяжелого, надо извлекать уроки. Государству нужно иметь рычаги для проведения стратегической линии в области ресурсной политики, брать на себя определенную часть деятельности по развитию ресурсной базы (экономическое воспроизводство природных ресурсов). Но основное функциональное направление деятельности государства и его органов — контроль за рациональным, бережным и экологически обоснованным использованием ресурсов индивидуальными или коллективными пользователями.

В США, напомнил В.И. Соколов, все условия природопользования (аренды за эксплуатацию ресурсов или предоставления бесплатного патента на эти же цели для некоторых видов минерального сырья) строго оговорены в текущем законодательстве, вплоть до таких параметров, как максимальный размер участка, предоставляемого для поисковых работ, максимальная территория для аренды одним юридическим лицом в одном штате или в целом по стране, и т.д. Все это говорит о том, что и в наших условиях, быть может, наиболее важно сейчас не растаскивать национальную собственность, а сконцентрироваться на экономическом и юридическом механизмах ее использования,

чтобы максимально учесть и сбалансировать как местные, так и общенациональные интересы.

5. *Какова сфера применения экономических регуляторов охраны природы, соотношение рыночных и административных методов управления экологической безопасностью?*

Вместо ответа на этот вопрос Р.А. Новиков написал своеобразную "ноту протеста": он отметил, что вопросы 5, 7, 9—13 сформулированы явно тенденциозно, с позиций только тех научных представлений, которые разделяют авторы концепции "платного природопользования". По характеру этих вопросов ясно, что никакая другая концепция не заслуживает рассмотрения. Вопросы без стеснения навязывают респондентам методологическую основу концепции ЦЭМИ, как бы приглашая их подыгрывать в некоем театральном действе. Такая подготовка Круглого стола ставит под сомнение искренность заявленного стремления журнала провести действительно научное обсуждение очень крупной социально-экономической проблемы регулирования ресурсосбережения и охраны среды. Создается впечатление, что цель редакции — не провести дискуссию, а канонизировать модель ЦЭМИ.

Однако не все авторы ответов разделяют позицию Р.А. Новикова.

Сфера применения экономических регуляторов охраны природы тесно связана, по мнению А.А. Гусева, с исследованием диапазона использования экономических методов управления качеством окружающей среды вообще (включая соподчиненность критериев и ограничений такого управления на разных отрезках). Данный диапазон охватывает "расстояние" от точки состояния окружающей среды, отвечающей действительности ее ассимиляционного потенциала, до точки предкризисного ее состояния. В промежутке — состояние среды, соответствующее экономическому оптимуму загрязнения в интервале от существующего состояния (по экспериментальным расчетам оно, как правило, находится между предкризисным состоянием и экономическим оптимумом загрязнения) до экономического оптимума эффективно вводить платежи за загрязнение по наносимому экономическому ущербу, а в интервале от экономического оптимума до социальных значений ассимиляционного потенциала — по "сэкономленным" затратам.

Совершенствование ценовой, налоговой и кредитной политики с возможным введением торговли правами на выбросы в окружающую среду тесно связано с улучшением административного нормирования и контроля за выбросами и состоянием природной среды. С.Г. Кара-Мурза выразил недоверие к механизму торговли правами на загрязнение. Слишком "жадное" государство может злоупотреблять распродажей экологических ресурсов нации, "воровать" эти ресурсы у других стран и т.д. С этим заявлением можно согласиться, если понимать механизм торговли правами на загрязнение как бесконтрольную эмиссию лицензий. Но рынок экологических лицензий, указала Ю.Ю. Гаврилова, регулирующий выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, имеет в качестве внешнего целевого параметра стандарт качества воздуха в регионе, а сама структура рынка формируется природоохранным органом в соответствии с конкретными условиями. Следовательно, нужно в комплексе использовать и параллельно развивать рыночные и административные методы охраны природы.

Обращаясь к американскому опыту, В.И. Соколов так охарактеризовал результаты применения в США механизма торговли правами на выбросы: они уже показали высокую экологическую эффективность, обеспечивая значительную экономию ресурсов, выделяемых на охрану среды, за счет разницы в себестоимости борьбы с загрязнением на различных предприятиях. Это — эффективная и перспективная альтернатива экономического регулирования в сфере экологии, однако ее использование привязано к высокоразвитой рыночной структуре всей экономики и чрезвычайно развитой системе мониторинга, что, естественно, не может быть обеспечено в наших условиях. Поэтому задача сегодняшнего дня — развивать и совершенствовать административно-законодательное управление экологической обстановкой. Поддерживая эти методы, В.И. Соко-

лов более сдержанно говорит о механизме платежей, фактически противопоставляя два механизма. На самом деле разница лишь в том, что, обращаясь к механизму продажи лицензий, мы как бы продаем права собственности на ассимиляционный потенциал природной среды, а используя платежи за выбросы — как бы сдаем его в аренду, оставляя собственность за территорией или регионом. Анализируя опыт США, надо, думается, иметь в виду, что первоначально собственность на ассимиляционный потенциал была поделена между предприятиями, когда им установили лимиты. Это была собственность без права продажи. Конечно, в таких условиях не было места механизму платежей, он не имел под собой достаточной институциональной основы. У нас ассимиляционный потенциал формально находится в государственной собственности. Либо мы его поделим, либо будем сдавать в аренду (тогда — система платежей), или применим смешанный механизм. Кстати, эксперимент по введению платы за выбросы в нашей стране привлек внимание американских ученых — участников советско-американской конференции "Экология и рынок" и в целом был оценен как положительный.

6. Каковы, по Вашему мнению, основные направления совершенствования системы административного управления природопользованием и охраной природы в условиях перехода к рынку?

К полной децентрализации призывают О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов. Централизованное управление, по их мнению, следует ограничить лишь правовым регулированием.

Конечно, децентрализация — одно из главных направлений совершенствования административного управления природопользованием, однако она должна быть, считает В.И. Соколов, взвешенной и разумной и иметь под собой правовую основу (А.А. Гусев, О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов) и развитый нормативный характер (Ю.Ю. Гаврилова).

Во входящую в структуру законодательства систему экологических нормативов, пишет А.А. Гусев, следует включать социальные нормативы типа предельно допустимых выбросов и сбросов (ПДВ и ПДС) и промежуточные нормативы типа временно согласованных выбросов и сбросов (ВСВ и ВСС). Нужна тщательная экспертиза установленных нормативов ПДВ и ПДС, в частности, для газообразных выбросов в атмосферу. Поскольку (исходя из формулы расчета ПДВ, соответствующих гигиеническим ПДК) этот показатель может быть определен неоднозначно, необходимо свести к минимуму установление ПДВ через рассеивание в атмосфере газов посредством строительства высотных труб, так как это приводит к трансграничным загрязнениям и нарушениям, например, международных конвенций о трансграничных переносах загрязнителей.

Установление показателей ВСВ и ВСС также требует тщательной экспертизы с целью выявления истинных экономических и технологических ограничений, препятствующих выходу на ПДВ и ПДС конкретных (как правило, старых с изношенным оборудованием) предприятий. Надо установить сроки перехода для таких объектов от ВСВ к ПДВ. Естественно, подчеркнула Ю.Ю. Гаврилова, административная система управления должна опираться на службу мониторинга. На это не стоит жалеть денег. Только финансовая независимость и информированность позволит администрации проводить независимый и объективный контроль.

Но есть и другая концепция развития мониторинга. В той же международной практике, отмечает В.И. Соколов, твердо устанавливается "самомониторинг" промышленных предприятий, которые теперь занимаются и приборобеспечением, и замерами, и регистрацией. Государственные же органы наделены полномочиями периодической проверки и документации, и методов контроля за состоянием, и т.д. Причем в США, например, за дезинформацию или различные "уловки" по поводу мониторинга санкции могут быть более жесткими, нежели когда предприятие честно докладывает о неспособности удерживать экологическую обстановку в рамках установленных стандартов. Предпринимателю выгоднее быть откровенным потому, что если он начнет скрывать и будет пойман, последствия для него станут убийственными.

Р.А. Новиков, говоря о распределении власти между центральными и региональными органами природоохраны, настаивал на усилении роли первых. С.Г. Кара-Мурза рез-

ко выступил против совершенствования административных методов, считая его преждевременным. Он полагает, что необходим прежде всего честный самоанализ тех философских принципов, на которых было основано природопользование и все административное управление в целом, и того образа будущего, к которому опять "железной рукой" поведет нас прогрессивный авангард. Без этого всякое "совершенствование административного управления" — обман.

7. Какими Вы видите соотношение административных и экономических механизмов управления воспроизводством и охраной природных ресурсов в условиях перехода к рынку?

Этот вопрос вызвал острую полемику. В переходный период должны, по мнению Ю.Ю. Гавриловой, преобладать административные методы управления воспроизводством и охраной природных ресурсов. Во-первых, ограничены возможности их широкой приватизации, в массе своей они и далее будут управляться административными органами. Во-вторых, само введение и настройка экономического механизма, соответствующие данному периоду, осуществляются административно.

Эту мысль развивают О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов, анализируя другой аспект названной проблемы. На высшестоящих уровнях должно преобладать административное (законодательное) управление, и на местном можно только ужесточать общие нормы природопользования и административные ограничения переводить в экономическую форму. В отношении национальных уровней воздействия экономические нормативы также могут быть централизованы (плата за выброс от транспортных средств и т.д.).

Иначе подошли к ответу на этот вопрос Р.А. Новиков и С.Г. Кара-Мурза. По мнению последнего, сам вопрос — порождение конъюнктурного и демагогического противопоставления "административных и экономических механизмов". Эти механизмы неразрывно связаны. Да и понятие "переход к рынку" — чисто идеологическое клише, если не определены основные параметры этой экономики. Не согласен с постановкой вопроса, как уже отмечалось, и Р.А. Новиков. Он считает, что различным инструментам приклеиваются ярлыки "хороших" и "плохих". Такие вульгарно-научные подходы, по его мнению, из стен академических учреждений очень легко просочились на страницы официальных документов. Следствием этого, полагает Р.А. Новиков, явилась "интродукция" в политику платного природопользования. Деление инструментария регулирования на административный и экономический часто используется для того, чтобы затушевать принципиальное различие между методами прямого и косвенного регулирования. А это уже серьезная методологическая ошибка. В действительности, но в первую очередь согласно теории, механизмы регулирования делятся на две типологические группы — прямые и косвенные. Далее Р.А. Новиков разъяснил свою позицию, рассмотрев хорошо известные факты о соотношении административных и экономических методов управления.

По мнению А.А. Арбатова, такая конфронтация — результат недостаточного взаимопонимания между спорящими сторонами; противопоставление административных и экономических методов — ошибка, но никто и не собирается их противопоставлять. По сути, речь надо вести о неэффективности администрирования в тех сферах, где лучший управленческий результат дают экономические методы, точно так же, как и о непродуктивности повсеместного применения экономических методов, в том числе там, где административные регуляторы гораздо эффективнее. Кроме того, очень часто и те, и другие инструменты необходимо использовать совместно.

Административные методы создают почву, очерчивают область применения экономических механизмов. Например, государство задает предельное значение нагрузки на окружающую среду. Далее устанавливаются квоты на выбросы для всех источников (так, чтобы эта предельная нагрузка не превышалась). Затем вступают в действие рыночные отношения — начинается торговля лимитами выбросов. Государство контролирует сделки (чтобы не увеличивались нагрузки на окружающую среду). Оно задает стандарты на воспроизводство природных ресурсов, регулирует порядок отчисления средств на него (аналог амортизационной политики) и т.п.

8. Как повлияет переход к рыночной экономике (в возможных его вариантах) на экологическую ситуацию в нашей стране?

Никто из участников Круглого стола не надеется, что переход к рынку благоприятно скажется на состоянии окружающей среды.

Этот процесс, считает Г.М. Минаков, крайне обострит экологическую ситуацию и приведет к появлению новых зон бедствия. С ним солидарен С.Г. Кара-Мурза: имея в виду реализуемый у нас вариант перехода к рынку, следует ожидать катастрофического воздействия на окружающую среду. Вхождение в "дикий рынок", полагает Г.М. Минаков (а у нас он объективно другим быть не может), разрушит административные рычаги давления на природопользователей и ничего не даст взамен.

По мнению А.А. Арбатова, в случае отставания экологического законодательства от экономических изменений в сторону перехода к рыночным отношениям экологические последствия могут быть самыми неблагоприятными. Резко возрастет бесконтрольное и экономически несдерживаемое природопользование. А ведь природные ресурсы — один из немногих наших конкурентоспособных товаров. Если не будет налогового законодательства, уравнивающего прибыль от торговли внутри страны и за рубежом, то значительные количества природных ресурсов уйдут за рубеж за бесценок, учитывающая разницу курса и покупательной способности рубля и СКВ.

Что же все-таки надо предпринять для того, чтобы переход к рынку прошел более или менее безболезненно для природы? Рыночные отношения должны развиваться одновременно с законодательной базой, следует прекратить монополию в природопользовании и создать у предприятий подлинную заинтересованность в реализации продукции в условиях конкуренции при ценообразовании, определяемом балансом спроса и предложения. В этом случае возможны уменьшение масштабов природопользования и стабилизация экологической обстановки. Такой позиции придерживаются А.А. Гусев, О.Ф. Балацкий, П.В. Тархов.

Важный вопрос затронул Р.А. Новиков, убежденный в том, что особенно губительна для экологии ситуация неопределенности. Чем дольше будет длиться состояние "ни рынка, ни плана", тем больше пострадает экология. При переходе к рынку станет еще хуже. Но рыночная экономика, дополняемая тщательно продуманной политикой регулирования, способна гораздо лучше, чем экономика "реального социализма", снимать остроту накопившихся экологических проблем и гармонизировать отношения между обществом и природой. Важно в переходный период неумелыми методами государственного вмешательства не усугубить негативное влияние экономики на экологию. Таковы, по его мнению, методы, созданные на базе концепции "платного природопользования", экономически жестко наказывающие предприятия, которые проявляют действенную заботу об охране внешней среды, и серьезно тормозящие переход к рыночным отношениям, поскольку утяжеляют бремя обложения налогами и другими податями. Таким образом, Р.А. Новиков, в целом ратуя за рынок, отвергает платежи за загрязнение.

С этой точкой зрения не согласен А.А. Гусев. Он полагает, что в современных условиях введение подобных платежей — наиболее естественный первый шаг к рынку, хотя это, конечно, и не идеальный механизм. С одной стороны, взимание платежей за загрязнение способствует накоплению целевых денежных ресурсов для природоохранной деятельности, но, с другой, существует разрыв между увеличивающейся денежной массой и ее материально-техническим обеспечением. В период экономической стабилизации будут решаться первоочередные задачи — борьба с инфляцией, продовольственное обеспечение, жилищная проблема и т.п., а охрана окружающей среды вряд ли окажется в первоочередных программах в сколько-нибудь существенном объеме (за исключением, будем надеяться, кризисных ситуаций — Арал, Чернобыль и т.п.). Поэтому в ближайшие годы следует ожидать даже ухудшения общей экологической обстановки. Но по мере насыщения рынка природоохранной техникой и технологией (спрос на нее в связи с жесткими ставками платежей за загрязнение, специальными налоговыми льготами и другими стимулирующими воздействиями будет расти) должен произойти сдвиг к стабилизации и улучшению экологической обстановки. Помимо государственных

субсидий в экологические программы с обязательным материально-техническим обеспечением, определенную роль здесь могут играть и биржи природоохранного оборудования.

9. Что Вы думаете о системе экономических регуляторов природопользования и охраны окружающей среды, о путях ее формирования?

Хотя ответ на этот вопрос хорошо известен и данная проблема достаточно полно отражена в литературе (о чем напомнил О.Ф. Балацкий), участники Круглого стола сочли нужным сделать ряд замечаний.

По мнению Р.А. Новикова, создание системы экономических регуляторов в сфере природопользования станет возможным, если отказаться от: 1) "платного природопользования" применительно к экологическому регулированию ввиду несовместимости "платежей за загрязнение" с широкими мерами государства по экономической поддержке предприятий в их деятельности, направленной на ограничение загрязнений; 2) философии "обдираловки" предприятий и понять, что затраты на охрану окружающей среды — это чистые убытки для предприятий; что нужно не загонять их еще больше в болото низкой рентабельности и убыточности, а помогать всеми средствами проводить экологическую политику, материально стимулируя трудовые коллективы.

Платежи за выбросы, возражает А.А. Гусев, вовсе не являются "обдираловкой" для тех предприятий, которые предпринимают природоохранные меры. Выбрасывая вредные примеси в окружающую среду, предприятия расходуют ее ассимиляционную способность. Эта способность — ограниченный ресурс. Почему такой ресурс следует расходовать бесплатно? Разве распределяют бесплатно электроэнергию, комплектующие изделия и т.п., ограничившись лишь штрафом за их "перерасход"? В рыночной экономике каждый фактор производства должен иметь цену, адекватную его значимости, в противном случае никто не будет принимать во внимание этот ресурс. Конечно, платежи — не единственный экономический инструмент.

В период перехода к рынку, утверждал А.А. Гусев, важно оптимальное сочетание ценовой и налоговой политики. Цены на продукцию и сырье, например, в отраслях минерально-сырьевого комплекса, должны быть ориентированы на выгодность их получения из отходов. Эту выгодность нужно подкреплять налоговыми льготами на продукцию, получаемую из отходов, и экономией на платежах за загрязнение, если максимально возможное количество вредных отходов улавливается и перерабатывается.

В рыночных отношениях очень важно взаимоприемлемое согласование интересов сторон. В отличие от командной экономики, в рыночной возникают проблемы принятия компромиссных решений, учитывающих интересы, как минимум, государства, регионов, коммерческих банков, бирж и конкретных производителей. Поэтому система экономических рычагов в компромиссных ситуациях должна отражать и определенные ограничения их значений. Например, государство хочет получить максимальные поступления в бюджет, но должно контролировать верхний предел цен на продукцию; регион желает добиться максимально возможной чистоты окружающей среды, но и получить как можно больше налоговых поступлений в местный бюджет; банки — максимальный доход от кредитов; биржи — заключить как можно больше торговых сделок; предприятия — максимизировать свою прибыль при минимуме налогов, в том числе платежей за загрязнение, и т.п.

10. Какими представляются Вам экологические налоговые льготы и экологическое налогообложение?

По мнению Р.А. Новикова, вопрос странный, как и большинство других, свидетельствующий о слабых знаниях теории регулирования у их составителей. Отвечать на такие вопросы трудно, а однозначно — невозможно. Никакой связи между "экологическим налогообложением" и "налоговыми льготами" не имеется.

Как бы полемизируя с ним, А.А. Гусев говорит о существовании двух разных механизмов. Их использование преследует различные цели. Экологические налоговые льготы создают у предпринимателя дополнительные стимулы к природоохранной деятельности. Например, льготы по налогам от прибыли, полученной за выпуск продукции из отходов или утилизированных примесей; снижение налогов для предприятий, вкладывающих

средства в охрану природы; снижение налогов тем, кто применяет экологически чистые технологии, и т.п.

Одно из основных направлений льготной налоговой политики, продолжает А.А. Гусев, — стимулирование создания и внедрения прогрессивных технологий как кардинального пути оздоровления экологической ситуации. Это в первую очередь касается формирования малоотходных и безотходных производств. Для этого необходимо льготное обложение продукции, вырабатываемой из отходов — вплоть до полного ее освобождения от налогов. Экологическое налогообложение направлено на взимание денежных средств с предприятий, загрязняющих окружающую среду (плата за выбросы), выпускающих технику, эксплуатация которой наносит вред природе, и т.п. Иными словами, каждый из этих двух разных механизмов по-своему важен.

Основное предназначение налоговых льгот, полагает В.И. Соколов, это стимулирование малых предприятий. Такова практика в США. Там подсчитано, что себестоимость борьбы с загрязнением на крупных предприятиях в 8—9 раз ниже, чем на однопрофильных мелких. Поэтому государство оказывает последним экономическую помощь в организации природоохранной деятельности. И именно здесь налоговые льготы наиболее результативны. В других сферах они не играют сколько-нибудь значительной положительной роли. Например, отмена налогов на продажу очистного оборудования не имела заметного эффекта, поскольку рынок во многих странах им не насыщен и на него установились спекулятивные цены. Видимо, только практика может показать, насколько в нашей стране будут полезны те или иные налоговые льготы.

11. *Нужны ли внебюджетные экологические фонды, и, если да, какими должны быть способы их формирования?*

В.И. Соколов не склонен думать, что такие фонды должны широко использоваться. Налогообложение и создание внебюджетных экологических фондов, как правило, связаны между собой, поскольку за рубежом они формируются именно за счет небольших налогов (на химикаты, нефтепродукты, транспортировку нефтепродуктов по трубопроводу и т.п.), имеют обычно узкоцелевой характер и не являются источником средств для комплексной охраны окружающей среды. И это разумно, поскольку в последнем случае возникло бы немало проблем как юридического характера, так и вызванных использованием фондов и распределением средств. Один из примеров — фонд для борьбы с аварийными утечками нефти на трансальпийском нефтепроводе в США. Он образуется из средств специального налога (0,5 долл. за каждый баррель пропускаемой по трубопроводу нефти) и составляет по законодательному акту 100 млн. долл. Это означает, что налог упраздняется после накопления указанной суммы. В случае использования какой-либо части фондов налогообложение возобновляется для того, чтобы иметь определенные законом 100 млн. долл. Существование такого фонда, управляемого государством, не исключает возмещения убытков за счет операторов нефтепровода в случае их вины за аварийные утечки нефти. По мнению А.А. Гусева, принятое Российским министерством экологии положение по экологическим фондам подразумевает их более широкое использование, чем то, о котором говорит В.И. Соколов. Такие фонды уже сейчас действуют у нас. Основным источником этих фондов — платежи за загрязнение.

Видимо, поэтому Р.А. Новиков выступил против экологических фондов, опасаясь, что из них будет "кормиться" аппарат природоохранных органов.

А.А. Гусев не разделяет таких опасений. Если фонды расходовать целевым образом в соответствии с положением о фондах, то такая проблема снимается.

Наличие внебюджетных экологических фондов, по мнению А.А. Арбатова, чрезвычайно желательно. Поскольку развитие экологической ситуации несет в себе достаточно много неожиданностей, часто могут возникать проблемы, решение которых не предусмотрено бюджетным финансированием. Кроме того, внебюджетные фонды могут сделать целесообразными штрафные санкции*, если сумму штрафов направлять в них, а не в местные и государственные бюджеты. В этом случае штрафные санкции мо-

* Имеются в виду платежи за загрязнение.

гут стать действенным экономическим инструментом природопользования и идти целевым назначением на мероприятия экологического характера. Необходимо, чтобы этим фондом распоряжался орган или лицо, интересы которых отделены от интересов бюджета. В фонд следует направлять также часть рентных платежей и платежей за использование природных ресурсов. Кроме того, в него могут сделать добровольные взносы отдельные лица и предприятия, при этом отчисления от прибыли должны освобождаться от налогов.

12. Какими должны быть функции платежей за природопользование и пути их совершенствования?

Кроме Р.А. Новикова, никто не усомнился в необходимости применения таких платежей (С.Г. Кара-Мурза отказался отвечать на этот вопрос).

По мнению А.А. Гусева, платежи за загрязнение окружающей среды должны выполнять, как минимум, три функции. Во-первых, экономической санкции за нарушение установленных нормативов природопользования. Это — одновременно и превентивная функция, поскольку при соответствующих нарушениях плата возрастает в кратном размере по отношению к ее нормативной ставке. Во-вторых, ускорения приближения к социальным стандартам качества окружающей среды посредством создания нового источника финансирования природоохранной деятельности за счет нормативных плат за загрязнение. В-третьих, стимулирования НТП в охране окружающей среды. Если при государственном субсидировании экологических программ деньги направляются на конкретные природоохранные мероприятия, то, как свидетельствует мировой опыт, включение платежей за загрязнение в экономические показатели деятельности предприятий стимулирует их инициативу в поиске кардинальных путей борьбы с загрязнениями. Указанные функции сопряжены с различными источниками взимания и использования платежей. Экономическая санкция ориентирована на изъятие платежей из той части прибыли, которая остается в распоряжении предприятий, нормативные платежи — из стоимости реализованной продукции, а финансовая поддержка внедрения прогрессивных технологий берется из фондов НИОКР, которые целесообразно включить в региональные фонды охраны природы, формируемые, в частности, из нормативных и сверхнормативных платежей за загрязнение предприятиями региона.

Особую позицию занимает Г.М. Минаков. Он — за платежи, но полагает, что измерять их надо не в деньгах, а в часах (имеется в виду общественно необходимое время). Выполнять свою функцию платежи будут, считает Г.М. Минаков, только во вне рыночных условиях "при замене стоимостных экономических показателей временными".

13. Каковы, по Вашему мнению, перспективы развития других экономических регуляторов (рынок экологических услуг, экологическое страхование и т.п.)?

Участники Круглого стола ограничились в основном констатацией того, что в условиях развития рыночных отношений перспективы развития подразумеваемых в вопросе методов самые широкие.

Р.А. Новиков воспользовался этим вопросом, чтобы окончательно расставить все на свои места. Вот здесь, утверждает он, мы подошли к одной из самых болевых точек концепции "платного природопользования". Философия механизма косвенного регулирования основана на неоправданном экономическом насилии. Гибридный же вариант концепции "платного регулирования" — это уже подлинное экономическое насиливание предприятий. Все это резко контрастирует с механизмами прямого регулирования, позволяющими себе такую роскошь, как облегчение экономического бремени предприятий, несущих расходы по охране окружающей среды, некоторые формы экономической "взаимопомощи" между предприятиями, инструменты, с помощью которых можно добиться снижения удельных затрат на ограничение загрязнений, и к тому же получать доход от вложений в охрану природы, частично возмещающий затраты на эти цели. Последнее достигается с использованием инструмента купли-продажи лимитов (разрешений) на загрязнение, т.е. действующего в структуре механизма прямого регулирования, но предполагающего определенные атрибуты чисто рыночных отношений по поводу ограничения загрязнений. Если авторам анкеты, недоумевает

Р.А. Новиков, известны такие инструменты, как "рынок экологических услуг" и "экологическое страхование", то что же им мешает включить их в свой механизм регулирования?

Как можно заключить из ответов А.А. Гусева, действительно ничто не мешает, и это отражено в пакете соответствующих документов, подготовленном Министерством экологии России. Не следует также смешивать рынок экологических услуг с рынком лицензий на загрязнение. Это — принципиально разные понятия. Спутать их — все равно, что спутать рынок недвижимости с рынком услуг, обеспечивающих торговлю недвижимостью (консультации, брокерские услуги, экспертиза и т.п.). Рынок экологических услуг включает консультирование по выбору технологий и многие другие моменты.

По мнению Р.А. Новикова, главный порок механизма косвенного регулирования — основной его принцип, предполагающий в качестве средства воздействия на экологическое поведение предприятий ухудшение их экономического положения. Это-то и препятствует использованию в таком механизме широкого арсенала экономических инструментов. Антиэкономичность данного механизма — его неискоренимый порок. Любая форма улучшения экономических условий инвестирования в охрану среды в корне противоречит логике мотивации "платы за загрязнение", ставит под сомнение ее целесообразность. Вообще говоря, любой платеж предприятия: заработная плата, платежи поставщикам и т.п. в понимании Р.А. Новикова ухудшают его экономическое положение. Тем не менее это не повод, чтобы отменить такие выплаты. Не препятствие это и для того, чтобы действовали другие методы стимулирования. Плата за выбросы — не просто побор, а возмещение за использование ограниченного ресурса — ассимиляционного потенциала природной среды.

Модель экологического регулирования, предложенная ЦЭМИ, будет, полагает Р.А. Новиков, воплощена в практику несмотря на все ее кричащие недостатки. Она уже прошла стадию экспериментирования (с результатами анализа которого научная общественность озабочена не была), а сейчас никто из тех, кто участвовал в операции по ее продвижению, не решится дать отбой, какие бы серьезные критические оценки эта модель ни получала. Однако можно прогнозировать короткую жизнь этой модели, ибо после приватизации, и если она пройдет по более вероятной схеме "народного капитализма", то встретит мощную оппозицию со стороны новых собственников предприятий — трудовых коллективов и других акционеров, включая иностранных. Наибольший протест вызовут "платежи за загрязнение", которые справедливо будут рассматриваться как скрытая форма повышения нормы налогообложения частного сектора.

Да, конечно, утверждает А.А. Гусев, против этого механизма протестуют. Размер платежей составляет лишь 30—40% от того, что требовалось внести. Но кто протестует? Обычно виновники загрязнения. Прикрываясь рассуждениями о том, что им нечем платить, они совершенно не желают принимать во внимание другие обстоятельства. Платить-то надо. Не можешь платить, не загрязняй. Ведь это то же самое, что и, например, сделать крупные закупки, а потом не платить поставщикам, говоря, что платить нечем. Плата за выбросы — это не налог, целесообразность назначения и величина которого может обсуждаться. Поэтому всякие протесты против платежей (или расходов на покупку лицензий) лишены смысла.

Р.А. Новиков пишет далее, что в ИМЭМО разработана альтернативная модель экологического регулирования для нашей страны. В ней используется опыт Запада и содержатся некоторые элементы механизма, адаптирующие ее к условиям нашей экономики в переходный к рынку период. Она изложена в брошюре "О механизме регулирования охраны окружающей среды от загрязнения". Предлагается концепция прямого регулирования, где содержатся следующие группы инструментов (в типологической модели они не могут фигурировать конкретно, так как их применение весьма дифференцировано):

механизмы непосредственной деятельности государства (в лице органов разного уровня, включая муниципальный) в области охраны среды от загрязнения и в сфере поддержания и обеспечения инфраструктурными элементами экологической политики;

экологические нормативы предельных значений допустимого загрязнения среды (ГОСТы, ПДК, ПДВ и т.п.), служащие: а) регуляторами в тех случаях, когда требуется безусловное поддержание санитарных норм; б) нормами при строительстве новых зданий, сооружений и т.п.; в) ориентирами в политике ограничения загрязняющих выбросов и сбросов, когда имеет место высокий уровень загрязнений и их устранение допустимо и возможно в течение сравнительно длительного срока;

прогрессивные экологические нормативы (эмиссионные, товарные, технологические) и квазинормативы (разрешения, правила, технические спецификации и т.п.) в случаях, когда необходимо длительное время для приведения объемов загрязнений к уровню требований санитарных норм. Квазинормативы имеют срочный характер — в виде нормативов разрешаемых загрязнений на 3—5—7 лет в зависимости от обстоятельств. Они периодически пересматриваются в сторону ужесточения — и так до достижения уровней ПДВ. С учетом наших условий следует предусмотреть специальную процедуру введения в действие прогрессивных экологических нормативов (лимитов). Эти лимиты должны походить на "общественный договор" между предприятиями и государством, в котором, в частности, оговаривается, что государство обязано оказывать помощь предприятиям материально-техническим обеспечением (в том числе, требующим валютных расходов), а предприятия освобождаются от выполнения в срок лимитов и выплаты штрафов в случае, если государство нарушит свои обязательства. Эта мера жизненно необходима до тех пор, пока у нас не появится развитая индустрия экотехники и экотехнологии, предприятия не будут иметь достаточно крупных валютных резервов (или сохранится необратимость рубля), не заработает свободный рынок. По существу эта процедура направлена на адекватное соотношение нормативных требований ограничения загрязнений к реальным возможностям их выполнения предприятиями с точки зрения материально-технического обеспечения;

экономические инструменты всех типов (кроме предлагаемых теоретической концепцией косвенного регулирования), служащие целям повышения экономической эффективности и экологической результативности мер по ограничению предприятиями выбросов и сбросов загрязнителей, экономической поддержки и помощи этим предприятиям и материального стимулирования трудовых коллективов со стороны государства, а также применение механизмов "самостимулирования" предприятий. Кроме того, инструмент их обязательного страхования от аварий и катастроф с серьезными экологическими последствиями, о котором говорилось выше;

экономические штрафные санкции в соответствии с нормами административного права. Эти нормы должны быть пересмотрены, чтобы дать возможность: 1) применять штрафные санкции в крупных размерах к физическим лицам; 2) то же, но в еще более крупных размерах в отношении юридических лиц (предприятий). Штрафы для предприятий должны исчисляться простым способом (без юридически спорных отсылок к стоимости экологического ущерба и других подобных конструкций, которые в правовом государстве "не проходят" через юриспруденцию). Базой для определения величины штрафа может быть показатель средней прибыли предприятия в день. Необходимо установить верхний предел штрафа, например, не более суммы прибыли за 2 месяца. Штраф налагается не автоматически, а по итогам административного расследования и слушания в специальных судах по средоохранным вопросам.

А.А. Гусев полагает, что все предложенные Р.А. Новиковым меры логичны и отнюдь не противоречат принципам платного природопользования за исключением одного момента. Р.А. Новиков считает необходимым платить лишь за сверхнормативное использование (в том числе и загрязнение) природного потенциала, сторонники же платного природопользования по причинам, приведенным выше, настаивают на возмездном порядке использования природного потенциала как такового, в том числе и в пределах, разумеваемых лимитами. Так что говорить о какой-то принципиально новой концепции, к сожалению, не приходится.

14. Ваши представления о развитии государственной и общественной эколого-экономической экспертизы.

По мнению А.А. Гусева, нужен закон об эколого-экономической экспертизе. Ей необходимо придать особый статус, ибо в условиях рынка — это важнейший тормоз на пути экологически опасных проектов, поскольку развивать производство будет не только государство, а и предприниматели. Главная проблема — обеспечить независимость такой экспертизы, ведь даже экспертиза Госкомприроды не является независимой, поскольку она подчинена Кабинету министров, который может пренебречь ее решением. Поэтому статус экспертизы должен быть определен законом, а не постановлением исполнительной власти. На этой основе может быть создан институт независимых экспертов по типу западных инженеринговых фирм. Механизм финансирования экспертизы должен быть таким: инициатор проекта (сторона, заинтересованная в его реализации) представляет проект на экспертизу, делает оргвзнос (фиксированный процент от заявленной стоимости проекта). Эксперты проводят исследования и выносят свое заключение. Оно рассматривается либо экспертным советом Министерства экологии России, либо (для наиболее важных проектов) экспертным подразделением Верховного Совета (такое подразделение необходимо создать обязательно). Инициатор проекта может параллельно нанять свою исследовательскую группу (которая будет выступать оппонентом официальных экспертов). Аналогично может поступить и общественность. При необходимости экспертный совет анализирует материалы всех трех групп и после этого принимает решение.

Претензии проектантов к заключению экспертов, продолжает А.А. Гусев, могут рассматриваться только в арбитражном суде, что обеспечит обоюдную ответственность сторон. Наряду с экспертизой проектов, по его мнению, крайне необходима после-проектная экспертиза, которая на Западе получила название экологического аудирования. Как бы ни был хорош проект, его реализация может быть никуда ни годной, что у нас встречается сплошь и рядом. Такая послепроектная экспертиза должна быть наделена широкими правами, вплоть до закрытия предприятия. Если бы у нас была такая экспертиза, то, например, не встал бы вопрос об экспертизе проекта второй очереди Астраханского газоконденсатного комплекса, поскольку строительство и эксплуатация первой очереди создали в регионе кризисную экологическую ситуацию. О.Ф. Балацкий и П.В. Тархов убеждены, что только экспертиза может быть реальным тормозом решений, принимаемых по политическим и конъюнктурным соображениям.

Голуб А.А., Гофман К.Г.

От редакции. В задачу редакции не входит подведение итогов дискуссии. Думается, что главные аргументы "поступят на вооружение" участников обсуждения в недалеком будущем, когда станут известны первые результаты экономической реформы в области природопользования. Бесспорно лишь одно — экологически устойчивое развитие не может быть обеспечено без централизованных методов воздействия на хозяйственную деятельность предпринимателей и поведение потребителей в условиях рыночной экономики. Спектр таких воздействий весьма широк — начиная от прямого административного принуждения и кончая формированием институциональных условий для рыночного саморегулирования тех или иных сфер природопользования. Вряд ли полезно предавать "экологической анафеме" отдельные виды собственности, административные или экономические регуляторы. Не "война концепций" (чаще — заклинаний), а скрупулезный, ориентированный на реалии хозяйствования, конкретный эколого-экономический анализ позволит исследователям получить теоретически нетривиальные и практически полезные результаты.

Итак, дискуссия продолжается. Ждем ваших мнений, уважаемые читатели.